

К тому времени Сюэ Чжэнхуань еще не знал, скольким людям причинит боль сегодняшняя близость. Он даже не мог предостеречь их словами. Тысячи слов застряли в горле, но оставалось лишь молча смотреть на них.

Ах, Цинь Бучжоу, Цинь Бучжоу. Все говорят, что у него внешность губителя царств, и правду говорят: будь он преданным или коварным, настоящее же это бедствие!

Сяо Лосюй же не ведал, какие бури бушуют в сердце старика, и кивнул Сюэ Чжэнхуаню:

— Я забираю этого человека.

Цинь Бучжоу недовольно запротестовал:

— Отказываюсь от такого тона, будто ты котенка или щенка забираешь!

Двое мужчин с выдающейся внешностью и манерами привлекали всеобщее внимание, идя по улице. Лишь добравшись до безлюдного места, Сяо Лосюй остановился и нахмурился, глядя на него:

— Выманил меня обманом — зачем?

Только ради того, что Цинь Бучжоу нес чепуху, будто его связал Сюэ Чжэнхуань и нужно скорее спешить на помощь! Не испугайся он, что Цинь Бучжоу по какому-то пустяку сцепится с Великим ученым прямо посреди улицы, ни за что бы не пришел.

— Зачем?.. — Цинь Бучжоу задумался и улыбнулся. — Сегодня же выходной, вывел тебя погулять.

Сяо Лосюй:

— ...

И повернулся, собираясь идти обратно.

Цинь Бучжоу торопливо схватил его:

— Эй, подожди... Не надо так, составь мне компанию, ладно? Разве можно зваться жителем Имперской столицы и ни разу не видеть ночной рынок?

Сяо Лосюй долго молчал, а затем кивнул.

Они неспешно шли вдоль улицы. По дороге Цинь Бучжоу бесчисленное количество раз пытался подразнить Сяо Лосюя фигурками из теста, леденцами на палочках и маленькими бамбуковыми погремушками, которые, разумеется, были сплошь проигнорированы. Впрочем, Цинь Бучжоу и сам по себе отлично веселился. Пока закатные облака не поднялись и не растаяли, а небосвод не окрасился в темно-синий цвет ночи. На длинной улице зажглись огни — светло, как днем. Торговцы наперебой предлагали прохожим нехитрые закуски, украшения,

маски или бумажные фонарики ручной работы.

И впрямь: сколько Сяо Лосюй себя помнил, он еще ни разу собственными глазами не видел ночного рынка Имперской столицы.

При всей своей внешности холодного цветка на горной вершине, от Цинь Бучжоу всегда исходило неуловимое живое тепло простой жизни. Оно не выглядело пошлым или вульгарным, напротив — наполняло весь его облик неподдельной живостью. Шагая плечом к плечу с этим юношей, Сяо Лосюй испытывал такое глубокое умиротворение, что едва не забыл истинную цель сегодняшнего выхода в город.

Вдруг Цинь Бучжоу произнес:

— Я обронил нефритовый подвесок, пойду поищу.

И, не дожидаясь ответа Сяо Лосюя, повернул назад, растворившись в толпе. Сяо Лосюй испуганно протянул руку, пытаясь удержать его, но рукав лишь скользнул по ладони, оставляя лишь наблюдать, как тот исчезает на его глазах.

Снова это повторяется...

Сяо Лосюй ошеломленно опустил голову, глядя на собственную пустую ладонь. Ему казалось, будто он давным-давно потерял некое сокровище, а то сокровище никогда не желало остановиться и подождать его, так что ему оставалось лишь тысячу и один раз переживать утрату.

В голове настойчиво вопил чей-то голос: догони!

Но здравый смысл напоминал Сяо Лосюю, что нельзя забывать о важном деле. Постояв в одиночестве еще мгновение, он повернулся и направился к обводному каналу позади сияющих огней, останавливаясь под раскидистой кропой высокой плакучей ивы.

В водах крепостного рва качались две-три изящных цветочных фонарика, унося заветные желания своих хозяевдалеко вдаль.

— Ань Ци.

Одна фигура бесшумно опустилась рядом с ним:

— Господин Чжао уже все подготовил.

Господин Чжао был главным стратегом Сяо Лосюя. Сяо Лосюй прикрыл глаза и медленно произнес:

— Передай ему: можно начинать.

Теневой страж бесшумно растаял в тенях. Сяо Лосюй стоял на берегу канала, вглядываясь вдаль. Мерцающий свет и тени отражались на его чистом и глубоком лице, что-то в его глазах внезапно дрогнуло и безмолвно погрузилось на дно. На смену пришло хладнокровие, еще более нетающее, чем ледяная крупа на вершинах северных гор.

Какая-то девушка в вуали двигалась против течения толпы на ночном рынке Имперской столицы. Оглядывая окрестности, она с любопытством и радостью воскликнула:

— Как же здесь все старомодно и красиво! Вау, тот бумажный фонарик в виде крольчонка такой милый! Цюшу, ты видишь?

Служанка следовала за ней по пятам, прикрывая госпожу и тихо отвечая:

— Им... юная госпожа, эта рабыня видит. Пожалуйста, будьте осторожнее, не упадите.

— Не называй себя рабыней, меня это раздражает! Я же говорила тебе, все люди рождаются...
— надув губки, капризно протянула девушка, но ее взгляд внезапно замер. — Ой, а это разве не тот извращенец?! Что он здесь делает?

Цюшу проследила за ее взглядом и тут же затряслась, как осиновый лист. Судорожно вцепившись в ее рукав, она дрожащим голосом проговорила:

— Э... это же Генерал-регент, его поместье совсем рядом...

Хотя она понятия не имела, что значит извращенец, но смутно догадывалась, что ничего хорошего в этом слове нет.

— Императрица-матушка, умоляю вас, вернитесь с этой рабыней во дворец! Если нас обнаружит генерал, нам конец...

— Чего бояться? Генерал-регент? С таким титулом он с виду вылитый отъявленный злодей из низов, сто процентов не продержится и пяти серий! — Нин Сяотянь с улыбкой потрепала Цюшу по голове. — К тому же, он всего лишь генерал-регент, а мой муж — император! Подумаешь, какой-то временный управляющий, неужто посмеет затмить императора? Если он посмеет тебя ударить, я тебя защищу!

Нин Сяотянь не любила слишком смазливых мужчин. Хотя Цинь Бучжоу и не обладал красой, в которой нельзя было разобрать пол, и даже отличался мужественной силой, он ей просто-напросто не нравился.

Все бывшие парни Нин Сяотянь сплошь были красавчиками, но в итоге поголовно уходили в гомосексуалисты. Последний из них уже собирался замуж за нее: когда Нин Сяотянь решила отдать ему свою девственность, во время поцелуев тот бессознательно залез рукой ей в задницу. Нин Сяотянь тогда покрылась холодным потом от ужаса, а после долгих расспросов выяснила, что этот тип тоже привык использовать мужчин снизу. Нин Сяотянь затошнило так сильно, что ее чуть не выверну наизнанку, в ярости она выбросилась из окна многоэтажки, а открыв глаза, очутилась в этой эпохе.

Теперь Нин Сяотянь считала, что такие ледяные красавцы, как Сяо Лосюй — вот это настоящий высший пилотаж. Навела справки: Сяо Лосюю шестнадцатый год, и в его гареме, кроме нее самой, никого нет. К тому же, раз уж его так жестоко принуждал тот извращенец-негодяй Генерал-регент, он наверняка люто ненавидит любые проявления гомосексуализма.

При воспоминании о той шокирующей сцене, которую ее заставили посмотреть в чужих воспоминаниях, Нин Сяотянь невольно прониклась к Сяо Лосюю жалостью. Ведь изначально Цинь Бучжоу собирался изнасиловать ее, чтобы унижить Сяо Лосюя, но тот преградил путь и принял удар на себя.

Она верила, что у Сяо Лосюя с его типажом «темное прошлое, талант, чувство ответственности, ранняя слабость» — судьба истинного главного героя, а главные герои обычно обладают нестигаемым характером, и вероятность Стокгольмского синдрома у них равна нулю.

На сей раз Нин Сяотянь оказалась права в одном.

Цинь Бучжоу и впрямь не продержался пяти серий.

Когда Цинь Бучжоу вернулся, неся в руках какой-то продолговатый сверток в ткани, он обвел взглядом окрестности, заметил Сяо Лосюя и быстрым шагом направился к берегу обводного канала. Но приблизившись, его радостный шаг внезапно замедлился.

Он чуть склонил голову набок, глядя на стягивающихся к нему людей. Девять Боевых Слов, Восемнадцать лучников Серебряного Рога, Семьдесят два Драконьих стража, Сто двадцать Теней... Практически вся элита, тайным образом возвращенная императорским родом, собралась здесь.

— Тц, а Ваше Величество мастер на дела, — Цинь Бучжоу откинул со лба упавшую прядь волос и усмехнулся. Никаких особых эмоций на его лице прочитать было нельзя.

Волчонок показал клыки.

Цинь Бучжоу знал, что в последнее время Сяо Лосюй непременно пойдет против него войной, просто этот момент настал немного раньше, чем он предполагал... Это и впрямь застало его врасплох. Опустив взгляд на продолговатый сверток, прижатый к груди, он вдруг почувствовал беспричинную досаду.

— Нарушить привычный ход вещей. Этому меня научил генерал.

Сяо Лосюй, стоявший заложив руки за спину, повернулся. Отражающий огни свет в его глазах пронзил тьму — чистый, холодный и ясный.

Глаза Сяо Лосюя были глубоки, как бездна. И в этот миг Цинь Бучжоу впервые прорвался

сквозь преграду этой бездны, узрев под многослойными покрывами вулкан, разжигаемый пламенем ненависти.

Смотрящийся ввысь огонь, способный выжечь равнину.

Цинь Бучжоу небрежно швырнул в реку длинный сверток, неизвестно что в себе скрывающий, и позволил надеть на себя наручники и кандалы.

Он бросил на Сяо Лосюя долгий взгляд, не пытаясь оказать ни малейшего сопротивления на протяжении всего пути.

Драконьи стражи поклонились Сяо Лосюю и увели Цинь Бучжоу. Теневые стражи растворились во тьме. Сяо Лосюй молча постоял на берегу, но вдруг, словно обезумев, бросился в реку. Это увидела Нин Сяотянь, последовавшая поблизости за Цинь Бучжоу, и, суетливо сделав несколько шагов вперед, перехватила Сяо Лосюя поперек туловища:

— Эй-эй, дружище, ты чего делаешь, чего делаешь, чего делаешь?! Молодой, при руках и при ногах — с чего вдруг в петлю лезть?!

Однако сил у Нин Сяотянь оказалось слишком мало: от такого броска они оба покатались кубарем и рухнули в воду. Будучи абсолютно не умеющей плавать, Нин Сяотянь в панике заголосила о помощи, отчаянно барахтаясь и намертво вцепившись руками в шею Сяо Лосюя. Тот захлебнулся водой, но затянул руку под воду, ухватился за длинный сверток и, работая свободной рукой, выволок Нин Сяотянь на берег.

Когда в свете фонарей он отчетливо разглядел лицо Нин Сяотянь, брови Сяо Лосюя яростно сошлись на переносице, а и без того леденящий взгляд сделался еще мрачнее:

— Императрица? Кто вывел вас оттуда?

Его ледяной взор устремился на растерянно стоявшую на берегу служанку.

Его воспоминания об этой девушке были крайне смутными: он помнил лишь, что, когда она только попала во дворец, она была совсем ребенком, ровесницей ему самому, робкой и пугливой.

Императорский род задолжал ей немало, и Сяо Лосюй прекрасно знал, что в будущем задолжает еще больше, а потому заслонил ее собой, когда Цинь Бучжоу с цепи сорвался. Кто же знал, что после тяжелой болезни у нее хватит смелости тайком сбежать из дворца? И чем только занимались стражники у ворот?

Нин Сяотянь забормотала:

— Это... это не вина Цюшу! Я сама захотела выйти!

У Сяо Лосюя сейчас не было настроения разбираться с этим. Его и без того скверное расположение духа от подобной суматохи с Нин Сяотянь стало еще хуже, а болтливый, полный жизни голосок девочки действовал на нервы.

Сяо Лосюй закинул длинный сверток за спину и поднялся на ноги. Подоспевший Теневой страж протянул ему плащ, и Сяо Лосюй набросил его на плечи Нин Сяотянь:

— Возвращаемся во дворец. Нин Сяотянь была рассеянной и беспечной девчонкой, поэтому неудивительно, что она не заметила перемены в настроении Сяо Лосюя. Но даже у самой простуженной и резкой девчонки в глубине души живет трепетное девичье сердце.

Когда Сяо Лосюй приблизился, от него повеяло его фирменной прохладой, но дыхание при этом было теплым. Всё внимание Нин Сяотянь оказалось приковано к теплу, исходившему от Сяо Лосюя. То, как юноша с холодным лицом накинул на нее пальто, заставило сердце Нин Сяотянь бешено заколотиться, а ее щеки мгновенно залились ярким румянцем.

[Динь! Главные герои вступили в первичный контакт! Уровень благосклонности героини к герою продолжает расти! Шкала благосклонности героини зашкаливает!]

Привязанный к столбу кровати Цинь Бучжоу: «.....» Что вообще произошло?

На девятый год Минжуй Генерал-регент Цинь Бучжоу подал императору мемориал, ссылаясь на болезнь и прося освободить его от участия в утренних докладах. Красной кистью на документе было начертано всего два иероглифа: «Ходатайство удовлетворено». С той поры в Поднебесной не осталось двоих правителей. Все знали, что это был ультиматум молодого императора клике Цинь Бучжоу, и гражданские чиновники с военачальниками, прежде поддерживавшие Цинь Бучжоу, один за другим переметнулись на другую сторону.

Долгожданное заветное желание наконец исполнилось. Сяо Лосюй, глядя сверху вниз, созерцал поверженных ниц придворных чиновников, но среди них не было той гордой фигуры, что никогда не преклоняла колени и не вставала на колено перед тронном. В сердце лишь внезапно стало как-то пусто.

— Суд окончен. По воле Небес, император гласит: Генерал-регент и нынешний наставник императора Цинь Бучжоу усмирил Север ради укрепления мощи государства, возвел дворец Юйцзи и помогал монарху... Воистину, он — оплот страны, образец для ученых и пример для всего Поднебесной. Ныне же, в связи с болезнью, он уходит в отставку. Я глубоко скорблю о потере столь талантливого мужа и жалую ему кувшин императорского вина в утешение. Исполнять!

Едва прозвучали слова императорского указа, евнух поднес кувшин с вином прямо к Цинь Бучжоу.

Запертый на большой кровати посреди Дворца Юйцзи, одетый лишь в нижнюю сорочку, Цинь Бучжоу на мгновение замер от изумления, а затем с легким удивлением бросил косой взгляд на стоявшего у дверей Сяо Лосюя.

Юноша еще не сменил парадные одежды — казалось, он все еще выглядел точно так же, как вчера, когда поправлял ему волосы. Он молча смотрел в сторону двери, на сгибающиеся под тяжестью цветов сливовые ветви, не произнося ни слова.

Цинь Бучжоу и не помышлял, что этот маленький император и впрямь окажется способен так сильно превзойти все его ожидания.

— Императоры бездушию преданы сызмала, древние мудрецы поистине не лгали мне.

Предупреждение! Предупреждение! Хозяин, не совершайте опрометчивых поступков, ваше решение повлияет на исход задания!

Провалено задание — и ладно, он больше не хотел продолжать. Цинь Бучжоу осушил чашу до дна. Капли янтарного вина, которые он не успел проглотить вовремя, стекали по уголкам губ прямо за воротник, пропитывая грудь.

Цинь Бучжоу причмокнул:

— Вино неплохое.

Ось?

Цинь Бучжоу моргнул, внезапно осознав, что маленький император, судя по всему, только что сыграл с ним злую шутку. Сяо Лосюй большими шагами направился к двери, не оглядываясь. Его одинокая спина излучала горделивую отрешенность:

— Твою жизнь Я пока оставляю у тебя... Это станет данью уважения преданности всего клана Цинь.

Мартовская Имперская столица была опутана тонкими нитями дождей. Сяо Лосюй, держа в руке черный зонт, стоял в пелене дождя. Его черные одежды с золотой касмой и распущенные волосы делали худые плечи похожими на тающий в туманной дымке силуэт, а лицо невозможно было разглядеть отчетливо.

— Возвращайтесь во дворец, Ваше Величество. Вам... следует беречь свое драгоценное здоровье, — не удержавшись, тихо посоветовал главный евнух Ван, снова заметив, что молодой император по-прежнему стоит на том же месте.

Наблюдая за историей взаимоотношений Сяо Лосюя и Цинь Бучжоу, он не мог не вздыхать. Запереть зверя, некогда скакавшего по северным пустыням, в тесной клетке — поистине самое суровое наказание. Молодой император часто приходил ко Дворцу Юйцзи и, молча стоя у входа, проводил так целые дни, но никогда не заходил внутрь, чтобы взглянуть на генерала Циня.

Думая об этом, он невольно начинал винить Цинь Бучжоу. Главный евнух Ван даже не знал, как относиться к этому Генералу-регенту: было правдой то, что он когда-то причинил боль императору, но было правдой и то, что позже он исправился... Однако было уже слишком поздно. Разве мог императорский род, в своем величии, так просто простить его?

Судьба поистине играла людьми.

Сяо Лосюй опустил взгляд и вдруг произвел:

— Он вовремя ест? Хорошо ли спит? Похолодало, выдали ли ему сухое шелковое одеяло?

Главный евнух Ван остолбенел от этого потока вопросов. Спустя мгновение он ответил:

— Дворец Юйцзи предназначен для заточения членов императорской семьи и одаренных воинов, совершивших тяжкие преступления. Хотя ему уже дали лекарственное вино, подавляющее внутреннюю энергию, генерал Цинь десятилетиями обладал боевыми искусствами. Чтобы он оставался слабым, ему приносят еду всего раз в день... и разрешено носить лишь нижнее белье.

Он думал, что маленький император почувствует злорадство или начнет гневно браниться, но Сяо Лосюй лишь замер и бессмысленно повторил:

— Вот как.

Он развернулся и ушел.

За пределами дворца Сяо Лосюй с зонтом в руке медленно удалялся в дождливую даль. А внутри дворца Цинь Бучжоу тоже предавался унынию.

— Система, меня ведь заточили... Когда уже наступит смерть? Можно мне покончить с собой?

□Отклонено! Основной сюжетный квест еще не завершен, использование лазеек для ухода запрещено.□

— Ты не разрешаешь мне уйти по собственной воле, не позволяешь связаться с волчонком — и как, мать вашу, выполнять это задание?... Апчхи, как холодно.

□...Хозяину достаточно просто ждать, то, чему суждено случиться, обязательно произойдет.□

— ...Это намек на то, что когда придет время умирать, меня уже ничто не спасет?

Однако уже той же ночью Цинь Бучжоу понял, что именно имела в виду система. Дождь всё ещё продолжал идти, мерный шуршальцем стуча по карнизам, орошая всё вокруг тихо и беззвучно. Хотя до зимней стужи было далеко, в самый костный мозг уже просачивался лёгкий, пробирающий холодок. Цинь Бучжоу лежал на боку на ледяном топчане. Услышав шорох, он мгновенно открыл глаза, и во взгляде его блеснуло острое лезвие.

В следующий мгновение край кровати просел, и тёплое маленькое тельце протиснулось в его объятия.

— ...Ваше Величество?! — Цинь Бучжоу слегка удивился и попытался приподняться, но Сяо Лосюй придержал его за руку.

— Не двигайся, — Сяо Лосюй сделал пару частых вдохов и выдохов и произнес тихим голосом,

натягивая на Цинь Бучжоу тёплое и мягкое одеяло. Протянув руку, Цинь Бучжоу нащупал, что тонкое одеяло было сухим, однако сам молодой император промок почти насквозь.

— Пойдите... почему вы промокли насквозь? — Цинь Бучжоу растерялся.

— Я же сказал, не двигайся... — тихо повторил Сяо Лосюй. Хотя он шёл под зонтом, но нёс с собой одеяло и, избегая ночного патруля императорской стражи, толком не видел дороги. Когда он упал, то постарался защитить одеяло, из-за чего, естественно, промок с головы до ног.

Сяо Лосюй сбросил с себя пропитавшиеся дождём и прилипшие к телу одежды, откинул тонкое одеяло, забрался внутрь и прижался к Цинь Бучжоу. В тёмной комнате, где не было лунного света и лишь слабый огонёк пробивался снаружи из-за пределов дворца, гладкая и нежная кожа юноши излучала безупречное сияние, источая смертельное очарование, от которого невозможно было отвести взгляд.

Дрожащей рукой он закрыл глаза Цинь Бучжоу, и казалось, что на это движение у него ушли все силы и вся смелость за всю жизнь. Наклонившись, он прижался лбом к шее Цинь Бучжоу и изо всех сил крепко обнял его.

Перед глазами Цинь Бучжоу царила крошечная тьма, и он инстинктивно поддержал юношу за талию:

— Вы... — Речи не успели завершиться, как его губы запечатало что-то мягкое.

В темноте он даже мог очертить линию губ Сяо Лосюй. Юноша не умел целоваться и лишь мягко, то касаясь, то отстраняясь, тёрся своими губами о губы Цинь Бучжоу, а затем медленно, дюйм за дюймом, прошествовал по щекам и вискам, беспорядочно целуя всё подряд, словно растерянный маленький зверёк.

— Цинь Бучжоу, — услышал он, как Сяо Лосюй впервые назвал его по имени. Очень-очень тихо, ровным голосом. Однако рука маленького императора, закрывавшая ему глаза, сильно дрожала.

Сяо Лосюй на мгновение зажмурился и, чётко проговаривая каждое слово, произнес:

— Цинь Бучжоу, я приказываю тебе... возьми меня.

Что значит «просто заглянул посмотреть, как он», что за принесенные с собой постельные принадлежности — всё это были лишь предлоги, чтобы убедить самого себя. Ведь если действительно хотелось увидеть его или принести ему одеяло, хватило бы одного слова и одного приказа.

Как только их тела соприкоснулись, Сяо Лосюй понял: он жаждет Цинь Бучжоу. Жаждет до такой степени, что от простого объятия и соприкосновения кожей у него невольно защипало глаза.

Он не мог себя обманывать: он безумно хотел увидеть Цинь Бучжоу, и один месяц стал для него абсолютным пределом. Разговоры днём с главным евнухом о положении дел Цинь Бучжоу уже вышли за рамки дозволенного, он хотел своими глазами убедиться, всё ли с ним в порядке.

Но несмотря на то, что он не знал, простит ли его Цинь Бучжоу, Сяо Лосюй никогда не жалел ни о едином принятом им решении.

Он рождён правителем, и защита этой страны — его долг.

— ... — Цинь Бучжоу посмотрел на Сяо Лосюй, и всё сдерживаемое раздражение вдруг сдулось, словно проколотый воздушный шарик, издав тихое «пш-ш».

Ему было одновременно и досадно, и смешно, и в конце концов он рассмеялся. Смеясь, он чувствовал, как легко вибрирует его грудь, поднял обе руки, обхватил лицо юноши и беспомощно произнес:

— Что это значит, Ваше Величество? Оставляете меня в стороне, запираете в этой клетке на десятки дней, а потом прибегаете с заявлением, чтобы я вас взял... Вы издеваетесь над вашим слугой?

Он уже почти не контролировал себя — столь невинный и покорный вид юноши был до безумия прелестным.

Цинь Бучжоу завернул в тонкое одеяло себя и Сяо Лосюй, скатав их в один плотный рулон, перекатился на кровати, придавил юношу сверху и склонился, целуя его в уголок глаза. То, что у него уже возникла физическая реакция — неоспоримый факт, а вот пощадить ли маленького императора, зависело от ответа последнего.

Сяо Лосюй, у которого и без того покраснели глаза, от этих слов почувствовал, как запылали и его мочки ушей.

— Ваше Величество хочет меня? — тихо спросил Цинь Бучжоу. — Ваше Величество сердцем привязано ко мне?

Сяо Лосюй замер.

Цинь Бучжоу притворился обиженным, его золотые глаза ярко сияли в темноте, а в голосе послышался мягкий носатый оттенок:

— Ваше Величество приказал меня запереть, не давал еды, да ещё и приказал отдать себя вам, но при этом даже не говорите, любите ли вы меня. Мне так грустно.

Сяо Лосюй ответил:

— Моё сердце привязано к тебе.

— Меня никто не учил, что такое любовь, — тихо проговорил Сяо Лосюй. — Если радость от встречи с тобой — это привязанность сердца, если страх потерять — это привязанность сердца, то, должно быть, я привязан к тебе сердцем.

Когда эти слова стихли, он почувствовал, как его душа внезапно стала лёгкой, словно разрешилась тревога, тянувшаяся сквозь бесчисленные миры.